

Содержание

А. Ф. Кони. Вместо предисловия. Иван Дмитриевич Путилин	5
И. Путилин, М. Шевляков. Сорок лет среди грабителей и убийц	14
Таинственное убийство австрийского военного агента	14
Кровавая месть страхового инспектора	41
Сумасшедший палач	68
Шайка разбойников-душителей	79
Черти Парголового шоссе	116
Солдат-убийца	137
Три кошмарных убийства	147
Беглый солдат-убийца	157
Страшная драма в Лигове	173
Золотая шкатулка	176
Темное дело	192
Убийство в Гусевом переулке	203
Облава	228
Мертвая петля	239
Убийство иеромонаха Иллариона	248
Двойное убийство	267
Убийство за пальто	278
Финал любви	286

Труп в багаже	309
Убийство Готлиба Фохта	319
Недоразумение	332
Как убивают	342
<i>И. Путилин. Тайное общество.</i>	<i>349</i>
Состав союза	353
Обязанности верховников	353
Центральные комитеты	354
Окружные комитеты	355
Агитация	356
<i>И. Путилин. Убийство Миклухо-Маклай</i>	<i>358</i>
<i>И. Путилин. Очерк некоторых видов воровства в Петербурге</i>	<i>379</i>
От первого редактора (1904 г.)	379
О природе городского мошенничества	380
Карманники	383
Домушники	386
Уличные грабежи	388
Конокрады	391
Ночные воры	391
Шантажисты	392
Условный язык петербургских мошенников, известный под именем «музыки», или «байкового» языка	397
<i>И. Путилин, М. Шевляков. По рассказам бывшего начальника санкт-петербургской сысковой полиции И. Д. Путилина</i>	<i>403</i>
Дореформенная полиция	403
Маскарадный роман	410
На розыске	418
Моментальное сумасшествие	422
На всякого мудреца довольно простоты	423
Контрабанда	425

Анатолий Федорович Кони¹

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

ИВАН ДМИТРИЕВИЧ ПУТИЛИН



Начальник петербургской сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин был одной из тех даровитых личностей, которых умел искусно выбирать и не менее искусно держать в руках старый петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов². Прошлая деятельность Путилина, до поступления его в состав сыскной полиции, была, чего он сам не скрывал, зачастую весьма рискованной в смысле законности и строгой морали; после ухода Трепова из градоначальников отсутствие надлежащего надзора со стороны Путилина за действиями некоторых из подчиненных вызвало большие на него нарекания. Но в то время,

¹ Биографический очерк напечатан в «Русской старине» (1907. — № 12).

² Федор Федорович Трѣпов (1809 или 1812—1889) — русский государственный и военный деятель, генерал-адъютант (1867), генерал от кавалерии (1878).

о котором я говорю (1871—1875), Путилин не распускал ни себя, ни своих сотрудников и работал над своим любимым делом с несомненным желанием оказывать действительную помощь трудным задачам следственной части. Этому, конечно, способствовало в значительной степени и влияние таких людей, как, например, Сергей Филиппович Христианович, занимавший должность правителя канцелярии градоначальника. Отлично образованный, неподкупно честный, прекрасный юрист и большой знаток народного быта и литературы, близкий друг И. Ф. Горбунова¹, Христианович был по личному опыту знаком с условиями и приемами производства следствий. Его указания не могли пройти бесследно для Путилина. В качестве опытного пристава следственных дел Христианович призывался для совещания в комиссию по составлению Судебных уставов. Этим уставам служил он как правитель канцелярии градоначальника, действуя — при пересечении двух путей: административного усмотрения и судебной независимости — как добросовестный, чуткий и опытный стрелочник, устраняя искусной рукой, с тактом и достоинством, неизбежные разногласия, могшие перейти в резкие столкновения, вредные для роста и развития нашего молодого, нового суда. На службе этим же уставам, в качестве члена Петербургской судебной палаты, окончил он свою не шумную и не блестящую, но истинно полезную жизнь. Близкое знакомство с таким человеком и косвенная от него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина в строгих рамках служебного долга и нравственного приличия.

.....

Близкое знакомство с таким человеком и косвенная от него служебная зависимость не могли не удерживать Путилина в строгих рамках служебного долга и нравственного приличия.

.....

¹ Ив́ан Федорович Горбуно́в (1831—1895) — русский прозаик, мемуарист, актер. Мастер исполнения устных рассказов.

По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности. Необыкновенно тонкое внимание и чрезвычайная наблюдательность, в которой было какое-то особое чутье, заставлявшее его вглядываться в то, мимо чего все проходили безучастно, соединялись в нем со спокойной сдержанностью, большим юмором и своеобразным лукавым добродушием. Умное лицо, обрамленное длинными густыми бакенбардами, пронизательные карие глаза, мягкие манеры и малороссийский выговор были характерными наружными признаками Путилина. Он умел отлично рассказывать и еще лучше вызывать других на разговор и писал недурно и складно, хотя место и степень его образования были, по выражению И. Ф. Горбунова, «покрыты мраком неизвестности». К этому присоединялась крайняя находчивость в затруднительных случаях, причем про него можно было сказать, «qu'il connaissait son monde»¹, как говорят французы. По делу о жестоком убийстве для ограбления купца Бояринова и служившего у него мальчика он разыскал по самым почти неуловимым признакам заподозренного им мещанина Богрова, который, казалось, доказал свое alibi (инобытность) и с самоуверенной усмешечкой согласился поехать с Путилиным к себе домой, откуда все было им уже тщательно припрятано. Сидя на извозчике и мирно беседуя, Путилин внезапно сказал: «А ведь мальчишка-то жив!» — «Неужто жив?» — не отдавая себе отчета, воскликнул Богров, утверждавший, что никакого Бояринова знать не знает, — и сознался...

В Петербурге в первой половине семидесятых годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда. Мне наглядно пришлось ознакомиться с его удивительными способностями для исследования преступлений в январе 1873 года, когда в Александро-Невской лавре было обнаружено убийство иеромонаха Иллариона. Илларион жил в двух комнатах отведенной ему кельи монастыря, вел замкнутое существование и лишь изредка принимал у себя певчих и поил их чаем. Ког-

¹ Что он знал свой мир (фр.).

да дверь его кельи, откуда он не выходил два дня, была открыта, то вошедшим представилось ужасное зрелище. Илларион лежал мертвый в огромной луже запекшейся крови, натекшей из множества ран, нанесенных ему ножом. Его руки и лицо носили следы борьбы и порезов, а длинная седая борода, за которую его, очевидно, хватал убийца, нанося свои удары, была почти вся вырвана, и спутанные, обрызганные кровью клочья ее валялись на полу в обеих комнатах. На столе стоял самовар и стакан с остатками недопитого чая. Из комода была похищена сумка с золотой монетой (отец Илларион плавал за границей на судах в качестве иеромонаха). Убийца искал деньги между бельем и тщательно его пересмотрел, но, дойдя до газетной бумаги, которой обыкновенно покрывается дно ящиков в комодах, ее не приподнял, а под ней-то и лежали процентные бумаги на большую сумму. На столе у входа стоял медный подсвечник, в виде довольно глубокой чашки с невысоким помещением для свечки посредине, причем от сгоревшей свечки остались одни следы, а сама чашка была почти на уровень с краями наполнена кровью, ровно застывшей без всяких следов брызг.

•
•
•
•
•
•
•
•
•
•

В Петербурге в первой половине семидесятых годов не было ни одного большого и сложного уголовного дела, в розыск по которому Путилин не вложил бы своего труда.

•
•
•
•
•
•
•
•
•
•

Судебные власти прибыли на место как раз в то время, когда в соборе совершалась торжественная панихида по Сперанскому¹ — в столетие со дня его рождения. На ней присутствовали государь и весь официальный Петербург. Покуда в соборе пели чудные слова заупокойных

¹ Граф (1839) Михаил Михайлович Сперанский (1772—1839) — русский общественный и государственный деятель, реформатор, законодворец. Выходец из духовного сословия, сын священника, благодаря своим способностям и трудолюбию привлек внимание императора Александра I и, заслужив его доверие, возглавил его реформаторскую деятельность.

.....

молить, в двух шагах от него, в освещенной зимним солнцем келье, происходило вскрытие трупа несчастного старика. Состояние пищи в желудке дало возможность определить, что покойный был убит два дня назад вечером. По весьма вероятным предположениям, убийство было совершено кем-нибудь из послушников, которого старик пригласил пить чай. Но кто мог быть этот послушник, выяснить было невозможно, так как оказалось, что в монастыре временно проживали, без всякой прописки, послушники других монастырей, причем они уходили совсем из лавры, в которой проживал сам митрополит, не только никому не сказавшись, но даже, по большей части, проводили ночи в городе, перелезая в одном специально приспособленном месте через ограду святой обители.

Во время составления протокола осмотра трупа приехал Путилин. Следователь сообщил ему о затруднении найти обвиняемого. Он стал тихонько ходить по комнатам, посматривая туда и сюда, а затем, задумавшись, стал у окна, слегка барабанив пальцами по стеклу. «Я пошлю, — сказал он мне затем вполголоса, — агентов (он выговаривал ахентов) по пригородным железным дорогам. Убийца, вероятно, кутит где-нибудь в трактире, около станции». — «Но как же они узнают убийцу?» — спросил я. «Он ранен в кисть правой руки», — убежденно сказал Путилин. — «Это почему?» — «Видите этот подсвечник? На нем очень много крови, и она натекла не брызгами, а ровной струей. Поэтому это не кровь убитого, да и натекла она после убийства. Ведь нельзя предположить, чтобы напавший резал старика со свечкой в руках: его руки были заняты — в одной был нож, а другую, как видно, он хватал старика за бороду». — «Ну, хорошо. Но почему же он ранен в правую руку?» — «А вот почему. Пожалуйста сюда к комоду. Видите, убийца тщательно перерыл все белье, отыскивая между ним спрятанные деньги. Вот, например, дюжина полотенец. Он внимательно переворачивал каждое, как перелистывают страницы книги, и видите — на каждом свернутом полотенце снизу — пятно крови. Это правая рука, а не левая: при перевертывании левой рукой пятна были бы сверху...»

Поздно вечером, в тот же день, мне дали знать, что убийца арестован в трактире на станции Любань. Он оказался раненным в ладонь правой руки и расплачивался золотом.

Доставленный к следователю, он сознался в убийстве и был затем осужден присяжными заседателями, но до отправления в Сибирь сошел с ума. Ему, несчастному, в неистовом бреде все казалось, что к нему лезет о. Илларион, угрожая и проклиная...

Путилин был очень возбужден и горд успехом своей находчивости. У судебного следователя, в моем присутствии, пустился он с увлечением в рассказы о своем прошлом. Вот что, приблизительно, как записано в моем дневнике, он нам рассказал тогда.

«Настоящее дело заурядное, да теперь хороших дел и не бывает; так все — дрянцо какое-то. И преступники настоящие перевелись — ничего нет лестного их ловить. Убьет и сейчас же сознается. Да и воров настоящих нет. Прежде, бывало, за воров следишь, да за жизнь свою опасаясь: он хоть только и вор, а потачки не даст! Прежде вор был видный во всех статьях, а теперь что? — жалкий, плюгавый!

.....

Настоящее дело заурядное, да теперь хороших дел и не бывает; так все — дрянцо какое-то. И преступники настоящие перевелись — ничего нет лестного их ловить.

.....

Ваш суд его осудит, и он отсидит свое, — ну, затем вышлют его на родину, а он опять возвращается. Они ведь себя сами «Спиридонами-поворотами» называют. Мои агенты на железной дороге его узнают, задержат да и приведут ко мне: голодный, холодный, весь трясется — посмотреть не на что».

Говоришь ему: «Ты ведь, братец, вор». — «Что ж, Иван Дмитриевич, греха нечего таить — вор». — «Так тебя следует выслать». — «Помилуйте, Иван Дмитриевич!» — «Ну какой ты вор?! Вор должен быть из себя видный, рослый, одет по-почтенному, а ты? Ну посмотри на

себя в зеркало — ну какой ты вор? Так, мразь одна». — «Что ж, Иван Дмитриевич, Бог счастья не дает. Уж не выслайте, сделайте божескую милость, позвольте покориться». — «Ну хорошо, неделю погуляй, покорись, а через неделю, коли не попадешься до тех пор, вышлю: тебе здесь действовать никак невозможно...» То ли дело было прежде, в сороковых да пятидесятых годах. Тогда над Апраксиным рынком был частный пристав Шерстобитов — человек известный, ума необыкновенного. Сидит, бывало, в штофном халате, на гитаре играет романсы, а канарейка в клетке так и заливается.

Я же был у него помощником, и каких дел не делали, даже вспомнить весело! Раз зовет он меня к себе да и говорит:

«Иван Дмитриевич, нам с тобою, должно быть, Сибири не миновать!» — «Зачем, — говорю, — Сибирь?» — «А затем, — говорит, — что у французского посла, герцога Монтебелло, сервиз серебряный пропал, и государь император Николай Павлович приказал обер-полицмейстеру Галахову, чтобы был сервиз найден. А Галахов мне да тебе велел найти во что бы то ни стало, а то, говорит, я вас обоих упеку куда Макара телят не гонял». — «Что ж, — говорю, — Макаром загодя стращать, попробуем, может, и найдем». Перебрали мы всех воров — нет, никто не крал! Они и промеж себя целый сыск произвели получше нашего. Говорят: «Иван Дмитриевич, ведь мы знаем, какое это дело, но вот образ со стены готовы снять — не крали этого сервиза!» Что ты будешь делать? Побились мы с Шерстобитовым, побились, собрали денег, сложились да и заказали у Сазикова новый сервиз по тем образцам и рисункам, что у французов остались. Когда сервиз был готов, его сейчас в пожарную команду, сервиз-то... чтобы его там губами ободрали: пусть имеет вид как бы был в употреблении. Представили мы сервиз французам и ждем себе награды. Только вдруг зовет меня Шерстобитов. «Ну, — говорит, — Иван Дмитриевич, теперь уж в Сибирь всенепременно». — «Как, — говорю, — за что?» — «А за то, что звал меня сегодня Галахов и ногами топал и скверными словами ругался. «Вы, — говорит, — с Путилиным плуты, ну и плутуйте, а меня не подводите.

Вчера на бале во дворце государь спрашивает Монтебелло:

«Довольны ли вы моей полицией?» — «Очень, — отвечает, — ваше величество, доволен: полиция эта беспримерная. Утром она доставила мне найденный ею украденный у меня сервиз, а накануне поздно вечером камердинер мой сознался, что этот же самый сервиз заложил одному иностранцу, который этим негласно промышляет, и расписку его мне представил, так что у меня теперь будет два сервиза». Вот тебе, Иван Дмитриевич, и Сибирь!» — «Ну, — говорю, — зачем Сибирь, а только дело скверное». Поиграл он на гитаре, послушали мы оба канарейку да и решили действовать. Послали узнать, что делает посол. Оказывается, уезжает с наследником-цесаревичем на охоту. Сейчас же к купцу знакомому в Апраксин, который ливреи шил на посольство и всю ихнюю челядь знал. «Ты, мил-человек, когда именинник?» — «Через полгода». — «А можешь ты именины справить через два дня и всю прислугу из французского посольства пригласить, а угощенье будет от нас?» Ну, известно, свои люди, согласился. И такой-то мы у него бал задали, что небу жарко стало. Под утро всех развозить пришлось по домам: французы-то совсем очумели, к себе домой-то попасть никак не могут, только мычат. Вы только, господа, пожалуйста, не подумайте, что в вине был дурман или другое какое снадобье. Нет, вино было настоящее, а только французы слабый народ: крепкое-то на них и действует.

•
• «Довольны ли вы моей полицией?» — «Очень, — от-
• вечает, — ваше величество, доволен: полиция эта беспри-
• мерная...»
•

Ну-с, а часа в три ночи пришел Яша-вор. Вот человек-то был! Душа! Сердце золотое, незлобивый, услужливый, а уж насчет ловкости, так я другого такого не видывал.

В остроге сидел бессменно, а от нас доверием пользовался в полной мере. Не теперешним ворам чета был. Царство ему небесное! При-

шел и мешок принес: вот, говорит, извольте сосчитать, кажись, все. Стали мы с Шерстобитовым считать: две ложки с вензелями лишних. «Это, — говорим, — зачем же, Яша? Зачем ты лишнее брал?» — «Не утерпел», — говорит... На другой день поехал Шерстобитов к Галахову и говорит: «Помилуйте, ваше высокопревосходительство, никаких двух сервизов и не бывало. Как был один, так и есть, а французы народ ведь легкомысленный, им верить никак невозможно». А на следующий день затем вернулся и посол с охоты. Видит — сервиз один, а прислуга вся с перепою зеленая да вместо дверей в косяк головой тычется. Он махнул рукой да об этом деле и замолк».

«Иван Дмитриевич, — сказал я, выслушав этот рассказ, — а не находите вы, что о таких похождениях, может быть, было бы удобнее умалчивать? Иной ведь может подумать, что вы и до сих пор действуете по-шерстобитовски...» — «Э-э-эх! Не те времена, и не такое мое положение, — отвечал он. — Знаю я, что похождения мои с Шерстобитовым не совсем-то удобны, да ведь давность прошла, и не одна, а, пожалуй, целых три. Ведь и Яши-то вора — царство ему небесное! — лет двадцать как в живых уж нет».

Иван Путилин
в соавторстве с М. Шевляковым

СОРОК ЛЕТ
СРЕДИ ГРАБИТЕЛЕЙ И УБИЙЦ



Таинственное убийство австрийского военного агента

Вот одно из самых диких и, как потом выяснилось, одно из самых бессмысленнейших преступлений, доставившее мне очень много хлопот и тревог... Слава богу, сыск оказался на высоте и все окончилось благополучно, если только можно в данном случае говорить о каком-то благополучии. Но сначала скажу несколько слов об обстоятельствах и времени, когда случилось это неслыханное по своей дикости преступление.

Это было в начале моей деятельности в качестве первого начальника управления сыскной полиции, учрежденного при Санкт-Петербургском обер-полицмейстере (потом градоначальнике), в 1866 году. Почти одновременно с этим вводились в практику новые судебные уставы, поэтому между представителями созданных судебных учреждений и сыскной частью ча-

сто возникали разные недоумения на почве выяснения взаимных прав и прерогатив.

Случай тяжелого испытания, как для новоучрежденной прокурорской и следственной власти, так и для сыска новой организации, представился в 1871 году, когда с учетом личности убитого и могущих отсюда произойти политических недоразумений было категорически потребовано свыше, чтобы преступники были обнаружены немедленно и во что бы то ни стало...

Итак, 25 апреля 1871 года в девятом часу утра мне сообщили, что австрийский военный посол князь Людвиг фон Аренсберг найден камердинером мертвым в своей постели.

Скажу несколько слов о личности и жизни князя.

Он жил на Миллионной улице в бывшем доме князя Голицына, близ Зимнего дворца, как раз напротив помещения первого батальона Преображенского полка. Князь занимал весь нижний этаж дома, который окнами выходил на улицу. Квартира имела два входа: парадный — с выездом на Миллионную, и черный. Парадные комнаты сообщались с людскими довольно длинным коридором, оканчивавшимся небольшими сенями. Верхний этаж дома не был занят.

У князя было шесть человек прислуги: камердинер, повар, кухонный мужик, берейтор и два кучера. Но из всех лишь один кухонный мужик безотлучно находился при квартире, ночуя в людской. Камердинер и повар на ночь уходили к своим семьям, жившим отдельно, берейтор тоже постоянно куда-то отлучался, кучера же жили во дворе в отдельном помещении.

Князь был человек еще не старый, лет под 60, холостой и прекрасно сохранившийся. Он мало бывал дома. Днем разъезжал по делам и с визитами, обедал обыкновенно у своих многочисленных знакомых и заезжал домой только часов около восьми вечера. Здесь час или два отдыхал, а вечер проводил в яхт-клубе, возвращаясь домой с рассветом.

Не желая, вероятно, иметь свидетелей своего позднего возвращения, а может быть, руководствуясь иными соображениями, но швей-

цара при парадной входной двери князь не захотел держать и настоял на том, чтобы домовладелец отказал ему. Ключ от парадной двери для ночных возвращений он держал при себе. И когда князь днем бывал дома, то парадная дверь оставалась открытой.

Получив известие о смерти князя Людвига фон Аренсберга, я, направив к квартире князя нескольких своих агентов, не теряя ни минуты, сам бросился туда. Вскоре за мной туда же явился прокурор окружного суда, а вслед за ним масса высокопоставленных лиц, в том числе его Императорское Высочество принц Петр Георгиевич Ольденбургский, герцог Мекленбург-Стрелицкий, министр юстиции граф Пален, шеф жандармов граф П. А. Шувалов, австрийский посол граф Хотек, градоначальник Санкт-Петербурга генерал-адъютант Ф. Ф. Трепов и многие другие... «Отыщи или погибни!» — казалось, говорили мне глаза всех. Надо было действовать...

.....

«Отыщи или погибни!» — казалось, говорили мне глаза всех. Надо было действовать...

.....

Дело взволновало весь Петербург. Государь повелел ежечасно докладывать ему о результатах следствия. Надо сознаться, что при таких обстоятельствах, в присутствии такого числа и таких высоких лиц было не только труднее работать и соображать, но даже, как мне казалось, было поставлено на карту существование самой сыскной полиции, не говоря уже о моей карьере.

Предварительный осмотр дал следующее: никаких взломов дверей или окон не было. Злоумышленник (или злоумышленники) вошел в квартиру, очевидно открыв дверь ключом.

Из показаний прислуги выяснилось, что около шести-семи часов утра камердинер князя вместе с поваром возвратились на Миллионную, проведя всю ночь в гостях. В половине девятого камердинер бесшумно вошел в спальню, чтобы разбудить князя. Но при виде царившего